

Фань Сянь рассеянно брёл по улицам, ледяной дождь насквозь промочил его одежду, но в сердце у него пылал пожар. В этот раз, когда он смотрел на улицы столицы, по которым ездили четырёхколёсные повозки, по сторонам в окнах богатых домов виднелись стёкла, в его памяти, словно калейдоскоп, всплыли воспоминания о мыле и многих других вещах, которые он сейчас чётко связывал со своим прошлым миром.

Возможно, все эти вещи были следами существования его матери в этом мире! На этой улице, в этих домах, в этой Поднебесной — везде были следы, оставленные матерью.

В конце письма она написала: «Я так одинока».

До сего дня Фань Сянь тоже был очень одинок, но теперь и впредь он больше никогда не будет чувствовать себя одиноким. Бродя под дождём по улицам, он громко смеялся. Звуки смеха разлетались далеко, будя людей, желавших в дождливую ночь лечь пораньше и выспаться.

Кто-то начал ругаться на него.

Но он по-прежнему улыбался.

Е Цинмэй точно не была той девушкой, которая рисовалась в воображении, когда читаешь её письмо. В этом Фань Сянь был твёрдо уверен. Его мать обладала несравненно твёрдой волей, потому что только такой человек мог в совершенно незнакомом мире под незнакомым солнцем прожить столь блестящую жизнь.

Такое знакомое и вместе с тем чужое государство Цин, ты подвело женщину по имени Е Цинмэй.

Капли дождя били Фань Сяня по лицу, и он, словно оборотень, постепенно слился с ночной тьмой. Возможно, содержимое сундука никак не могло помочь ему с практической точки зрения, но ощущение того, что он больше не одинок, позволяло ему идти по этому миру, под этим дождём со всё большей уверенностью.

Фань Сянь в одиночестве брёл под дождём и ветром и улыбался. Раз он хотел жить на всю катушку, то нужно жить вольной жизнью, ровно так, как он когда-то рассказывал сестре, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы.

Осенние дожди навевают смертную тоску*.

Ночное проникновение во дворец, конечно же никто не оставил бы просто так. Не привлекая особого внимания, командир городской стражи господин Е Чун, получив высочайший приказ, приступил к расследованию этого дела. Хотя в его обязанности входила охрана столицы, но в

последние несколько лет он защищал подходы к столице в Динчжоу к западу от неё. А вернулся он в столицу, когда со времени происшествия прошло уже три дня.

Прозорливые люди во дворце, конечно, понимали, почему выбор императора пал на него. Семья Е снискала милость императора своей преданностью и пользовалась его безграничным доверием. Оно вплотную приближалось по уровню к доверию, выдаваемому к Чэнь Пинпину. Ну а господин Чэнь Пинпин, конечно, из-за своих ног не мог заняться расследованием лично, к тому же он считал это дело незначительной мелочью. Вторая причина такого выбора заключалась в том, что в охране императорского дворца трое самых высокопоставленных людей, вероятно, не могли избежать подозрений.

Е Чун тоже знал, что дело крайне запутанное. Командира внутренней охраны дворца Янь Сяои много лет назад привела во дворец старшая принцесса, в боевых искусствах он был признан лучшим во всём дворце. Заместитель командира Гун Дянь приходился Е Чуну младшим соучеником. А этого мутного евнуха Хуна лучше было бы сразу исключить, с ним даже Е Чун не желал связываться.

К тому же Е Чун и не подозревал этих трёх, но ему было очень любопытно, с какой же целью пробрался во дворец второй лазутчик и зачем он убил личную служанку старшей принцессы рядом со дворцом Возвышенной Истины.

Расследование проводилось тайно, из-за поимки в Северной Ци главы разведывательной сети император разгневался на Контрольную палату, поэтому она не могла особо помочь в расследовании, так что и без того непростое дело стало ещё сложнее.

И тут в один из дней, осторожно обследовав несколько дворцов, Е Чун добрался до дворца Добродетели. Там он почувствовал слабый странный запах и сразу вспомнил старого знатока ядов, который во времена военного похода на север следовал вместе с ним за императором в палатке командующего. По словам охраны дворца, в ночь преступления дворец Возвышенной Истины посещал литературный корифей из Северной Ци Чжуан Мохань. Глубоко понимая, насколько жестока борьба внутри дворца, Е Чун догадался, что тут что-то не так.

Поэтому он поскорее отправился на аудиенцию к императору и, повинившись, бухнулся ничком в ноги, со стыдом прося снять с него обязанности по расследованию этого дела.

— Это потому, что ты ничего не можешь найти, или потому, что не смеешь продолжать расследовать? — На лице императора всё время виднелась полуулыбка, будто он уже всё знает. Действительно, близкие чиновники иногда подозревали, что это такая уловка, чтобы управлять подчинёнными, но Е Чун отлично знал, что император, которому он служит верой и правдой, чрезвычайно мудр, поэтому он искренне ответил:

— Я не могу ничего найти и не смею продолжать искать, чиновникам не из императорской семьи не с руки вмешиваться в её дела.

— Е Чун, неужели ты не боишься, что я обвиню тебя в том, что ты неверен императору, не

разделяешь личное и общественное и не заботишься о справедливости?

Е Чун, не смея подняться, ответил:

— Я не смею пытаться угадать желания императора, просто я глуп и не знаю, с чего начать искать.

— Не нужно дальше расследовать, я знаю меру. — В полуулыбке императора показалось что-то мрачное, но стоящий на коленях Е Чун не смог как следует это уловить.

В это время настоящий виновник, Фань Сянь, все эти дни скрывался в имении. После того, как его слава поэта прогремела по всей столице, он преимущественно ходил в Жертвенный приказ на переключки и попить чаю или посещал Приказ придворного этикета, где безучастно наблюдал за происходящим, везде создавая весьма шикарнейший образ.

Переговоры уже завершились, и послы Северной Ци покинули столицу, но посланники из города Восточных варваров всё ещё откладывали отъезд.

Когда слухи действительно поутихли, послы города Восточных варваров с тяжёлым сердцем тоже уехали, оставив много серебра в столице. Они и не знали, что, после ночного происшествия в императорском дворце, то, что они не попали всем составом в тюрьму, уже было результатом крайнего великодушия его величества.

Нынче действительно можно было сказать, что имя Фань Сяня облетело всю столицу, но никто не пытался разглядеть, что за сила стоит за его спиной, всё внимание сосредоточилось на нём самом. В конце концов, только ему удалось заставить признанного корифея Чжуан Моханя кашлять кровью, к тому же он был настолько молод.

Словно сговорившись, наследный и второй принц одновременно с двойным усердием стали пытаться привлечь Фань Сяня на свою сторону. Ли Хунчэн часто приводил с собой в имение принцессу Жоуцзя на чай, помощник премьер-министра Синь под предлогом, что они давно не виделись, тоже стал навещать.

Но у Фань Сяня было много дел, поэтому он временно отталкивал обе стороны. Он сумел реализовать две части своего плана на вечер пир: он смог добыть ключ и подставить Юнь Чжиланя из города Восточных варваров. Под усилившимся пристальным вниманием императорского двора этому мастеру девятого уровня пришлось сразу покинуть столицу. Ради своей безопасности он был вынужден забыть про задуманную дуэль.

Обнаружив, что старшая принцесса вступила в сговор с Северной Ци, Фань Сянь ждал удобного момента, чтобы распространить эту новость.

Через два дня после того, как посольство города Восточных варваров покинуло столицу, Фань Сянь понял, что подходящее время пришло.

Фань Сянь не мог использовать тайное соглашение между старшей принцессой и молодым государем Северной Ци, чтобы открыто нанести удар, потому что у него не было ни свидетелей, ни доказательств. К императору с этим делом он тоже идти не смел, хотя с текущей его славой в столице для него несложно было бы попасть к нему на аудиенцию. Но его суждения об императоре были немного противоречивыми. Он не мог поручиться, что, узнав о тайном соглашении, император не решит, дабы сохранить лицо, убрать его как лишнего свидетеля.

Если бы с такой ситуацией столкнулся кто-то из простых людей государства Цин, то он несомненно бы решил хранить тайну до конца жизни, ни за что бы не посмел никому рассказать, даже давясь кровью.

Но с Фань Сянем было всё по-другому, у него были воспоминания и знания из двух миров, он знал, насколько важно общественное мнение, какой убойной силой оно обладает, и понимал: чтобы противостоять безумной старшей принцессе, надо прибегнуть к безумным уловкам.

После того ночного пира монополист производства бумаги мануфактура Сишань и имеющие отношение к внутренней сокровищнице предприятия постоянно притесняли бизнес книжного магазина Даньбо, однако у старшей принцессы не было власти над восьмым отделом Контрольной палаты, поэтому ей оставалось лишь вредить по мелочи. Но Фань Сянь понимал, что это лишь затишье перед бурей.

И он решил до того, как всё начнётся, нанести удар первым.

В ту ночь У Чжу из своего обычного угла внимательно его слушал. С тех пор, как они открыли сундук, У Чжу стал чаще бывать в имении, возможно, потому, что стал сильнее беспокоиться за безопасность Фань Сяня. Фань Сянь в раздумьях сказал:

— Если не хочешь оставлять следов, то нужно использовать всё ворованное.

У Чжу немного поклонился, давая понять, что всё понял.

Фань Сянь продолжил:

— Сейчас магазину Даньбо не дают продохнуть связанные с внутренней сокровищницей мануфактура Сишань и печатный дом Ваньсун. Поэтому мы украдём бумагу из внутренней сокровищницы, а потом втёмную используем печатный дом Ваньсун. Только, дядя, кто-нибудь в этом мире знает твой почерк?

У Чжу холодно ответил:

— Не волнуйся.

Фань Сянь знал, что его невероятно безрассудный план точно окажется эффективным. Заулыбавшись, он продолжил:

— Листовки нужно делать не слишком большими. — Он двумя руками показал примерный размер. — Главное, чтобы их было много, потом нужно их везде расклеить и разбросать. Особенно около Тайсюэ. И ещё у Павильона Литературной глубины нужно побольше наклеить. Учащиеся молодые и горячие, их легче всего подстрекать. А тамошние учителя, что так любят строить из себя людей с характером, увидев листовки, от злости повывёртывают себе бороды.

У Чжу холодно спросил:

— Что написать?

Фань Сянь вскинул бровь и вздохнул:

— Чувствую себя настоящим подпольщиком.

Он стал медленно излагать, какое провокационное воздействие должна оказывать листовка, и что она должна обязательно содержать подробности — и правду, и ложь. Например, что говорила старшая принцесса Чжуан Моханю, как Янь Бинъюнь хлебнул лиха, скрываясь в Северной Ци, как высокопоставленное лицо при дворце его предало, как это повредило интересам государства и какую пользу принесло старшей принцессе, стремившейся к собственной выгоде, сколько во дворце она содержит ненастоящих евнухов и сколько у неё любовников вне дворца.

У Чжу холодно проанализировал:

— Никто не поверит, что старшая принцесса пожертвовала интересами двора, просто чтобы получить немного денег.

Фань Сянь снова вскинул бровь и ответил:

— Таких умных людей, как ты, в мире не много. Достаточно, чтобы простой народ поверил. Что касается императора, то, считай, мы его предупредили.

У Чжу холодно заметил:

— Император не нуждается в твоих предупреждениях.

* эта фраза является предсмертным наставлением любящей страну первой женщины-революционерки в Китае Цю Цзинь.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/2011316>